

Звенели бокалы, журчали светские разговоры. В пышном, удушающе-изысканном зале каждый улыбался настолько ослепительно, что на миг становилось жутко: казалось, гости нацепили одинаковые фарфоровые маски.

На самом краю этой ярмарки тщеславия стоял высокий юноша, своей статной красотой напоминавший изваяние древнегреческого бога. Он безмятежно и откровенно скучающим взглядом скользнул по купающимся в лучах софитов членам семьи Жуань и медленно поднял бокал с красным вином.

Старейшина семьи Жуань, стоявший в самом центре зала, с удовлетворением обозревал торжество. Рядом с ним находился новый глава клана — его сорокадевятилетний старший сын Жуань Яньшунь.

— Среди молодежи есть весьма достойные, — губы старейшины Жуань искривились в едва заметной, глубокой улыбке, а голос звучал настолько тихо, что слышал его лишь сын. — Как думаешь, кто-нибудь из них сгодится Цзяоцзяо в принятые мужья?

— Молодых талантов и впрямь хватает, — наклонился к отцу Жуань Яньшунь. — Особенно хороши старший внук семьи Лайт, младший сын Марсо, пятый внук Хотесов и этот парень из семьи Сье. Молоды, амбициозны, из лучших семей. Да и умом не обделены — держатся уверенно, без лишнего елеса. У каждого блестящее будущее.

— Зачем плодить конкурентов, когда можно сделать одного из них зятем? — Старик медленно погладил бороду, и взгляд его потеплел. — Впрочем, пусть Цзяоцзяо сама выбирает.

— А кто сможет перед ней устоять? — Жуань Яньшунь перевел взгляд на сияющую Цзяоцзяо, с легкостью очаровывавшую гостей. — Выбрать нас — великое счастье для любого из них. Если честно, отец, мне и вовсе не хочется отдавать её замуж. Никто из них её не достоин.

— Мне тоже жаль, — ответил старик. — Но Цзяоцзяо хочется любви. К тому же вспомни, как тяжело она переживала прошлую обиду. Лучше уж мы сами отсеем негодных. Лишь бы наша девочка была счастлива.

— Верно. Поэтому муж, входящий в наш дом, — лучший вариант. Хотя такие высокородные юноши вряд ли захотят идти в принятые мужья...

— Тут ты ошибаешься, — хмыкнул старейшина с проницательной ухмылкой. — Полюбят Цзяоцзяо без памяти — и сами в очередь выстроятся.

Он видел людей насквозь: большая часть мужчин в этом зале уже потеряла голову от их любвицы. Младшие из семейств Лайт, Марсо и Хотес, даже не находясь рядом, не сводили с

нее голодных взглядов, едва скрывая вспышки ревности.

«Но где же тот, из семьи Сье?..»

Картина, разворачивавшаяся перед глазами юноши, до мельчайших деталей повторяла его кошмар.

В алом стекле бокала искривленные фигуры семьи Жуань фальшиво улыбались, принимая чужую лесть и лстивые поклоны. Неестественное, жуткое зрелище выглядело поразительно гармоничным.

Скука во взгляде юноши мгновенно сменилась ледяной бездной. В темно-синей глубине его глаз вспыхнула ярость — страшная, копившаяся долгими годами, полными невыносимой боли и всепоглощающей ненависти, что въелась в самую его душу.

Взгляд застлал кровавый туман. От прежнего отстраненного юноши не осталось и следа.

— Эй, Сье Юйчжоу! Ты чего тут застрял?.. Ты чего... А-а-а-а-а!!

Чья-то рука опустилась на плечо Юйчжоу, но договорить гость не успел. Вскрикнув от дикого ужаса, он отпрянул, споткнулся и с грохотом растянулся на полу.

— Ты... ты...

Сье Юйчжоу медленно опустил бокал и взглянул на упавшего. Взгляд его скользнул по побледневшему лицу.

— Хуа Юйтан.

— Да... да, это я, — кое-как поднялся тот, скривившись от испуга. — Чувак, да что с тобой?! Твой взгляд... Мамочки, ты же меня чуть заживо не сожрал!

Они росли вместе, знали друг друга с детства, но таким Сье Юйчжоу он не видел никогда.

— Ты что, в актеры записался? Решил бросить свой спецназ и уйти в шоу-бизнес? Играешь босса мафии? Эй... ты куда?

Не удостоив его словом, Юйчжоу развернулся и пошел прочь. За ним тянулся тяжелый шлейф чужой гибели, словно он только что шагнул из кровавой бойни. На лице его не было ни единой

эмоции, но сама аура заставляла Хуа Юйтана сжиматься от страха и держаться на расстоянии.

Хуа Юйтана вдруг осенило.

«Неужели на этом секретном задании... неужели он реально кого-то убил? Мы не виделись всего два месяца, откуда эта жуть?!»

— Съе... да что с тобой случилось? Эта миссия... ты что, реально запятнал руки кровью?! Говори же! Куда ты собрался? Ты ведь не собираешься вот так просто уйти? Семья Жуань же взбесится! Эй, ты...

Сье Юйчжоу резко остановился. Взгляд его, подобно вымоченному в крови ледяному клинку, метнулся к Хуа Юйтану. Тот оборвал песню на полуслове, едва не прикусив язык.

— Семья Жуань? — голос Юйчжоу прозвучал так сухо и холодно, что, несмотря на августовскую жару, у Хуа Юйтана по спине побежал мороз. — Кто они такие, чтобы я с ними считался?

Он на мгновение задержал взгляд на приятеле:

— А ты оставайся здесь.

— Чего? Я?!

Хуа Юйтан опешил. Голова его трещала от непоняток. Он так и остался стоять, беспомощно наблюдая, как Сье Юйчжоу садится в машину и уезжает.

— Черт! Да что с тобой стряслось-то?!

Уже через двадцать минут Сье Юйчжоу поднимался на борт частного самолета.

Длинные мозолистые пальцы, замершие над клавиатурой, слегка дрожали. Юноша запрокинул голову, и в его темно-синих глазах, застланных алой пеленой, блеснули слезы.

«Брат... Подожди меня. Пожалуйста, подожди совсем немного... Как тогда, хорошо?..»

«Быстрее, беги, быстрее!»

«Сестренка, я... я больше не могу...»

Сорванный детский голос дрожал от ужаса, в огромных темно-синих глазах застыли слезы.

«Я не могу больше бежать...»

«Даже если не могу — беги! Я держу тебя!»

Длинноволосая девочка остановилась и повернулась. Её лицо, хотя и испачканное грязью и пожелтевшее от истощения, поражало утонченной красотой. В изогнутых бровях и темных, словно выведенных тушью глазах читались лишь отчаянная решимость и тревога.

«Быстрее, а не то они догонят!»

Девочка крепко сжала его ручонку. В горле у мальчика стоял соленый вкус крови, он изо всех сил перебирал короткими ножками, но детские силы иссякли — и он ничком рухнул на землю.

Сзади уже доносились грубые крики работоторговцев.

Мальчик хотел крикнуть, чтобы она бросила его и бежала одна — за неделю плена он насмотрелся на то, как жестко избивают тех, кто пытался сбежать. Но не успел он вымолвить и слова, как девочка опустилась на корточки:

«Залезай на спину, я понесу тебя!»

...

Он уже не помнил, сколько ветвей и колючек она задела, таща его на себе через лесные чащи. В памяти запечатлелись лишь тепло её объятий, родной запах у тонкой шеи да спокойный, непреклонный взгляд.

Тогда страх отступил. Для него существовал лишь этот человек, спасавший его жизнь.

Они скрывались в горах трое суток.

Поначалу похитители прочесывали лесистые склоны, крича:

«Девка, малец! Вылезайте! В горах волки, сожрут вас! Спускайтесь к дяде!»

«Выходите, глупые! Дядя вас не тронет!»

«Не выйдете сами — переломаю ноги и продам какому-нибудь старому пердуну в глухую деревню!»

Не найдя детей, похитители наткнулись на разорванные обрывки одежды, испятнанные кровью — «сестра» намеренно надрезала себе руку и выбросила окровавленное вранье на тропу. Решив, что беглецов растерзали хищники, бандиты убрались восвояси: им нужно было торопиться с остальным товаром.

А мальчик, потерявший силы от голода, впал в забытие. Очнулся он уже не на руках у спасительницы, а в участке полиции. Девочку же в тяжелом состоянии из-за потери крови увезли в больницу.

Когда он со слезами на глазах умолял отвести его к сестренке, дежурный офицер мягко обнял его:

«Это не сестренка, малыш. Это твой брат».

«А длинные волосы он растил, чтобы сдать для детей, больных лейкемией. И девчонкой притворился, чтобы бандиты не убили его сразу — к девчонкам они относятся бережнее, а бежать так было проще. Удивительно умный и хладнокровный мальчик».

«Ему ведь всего двенадцать. Голос еще не сломался, вот вы и перепутали...»

«Удивительный ребенок, но из-за потери крови состояние тяжелое...»

— ... Ты только береги себя, — внезапно зазвонил телефон, выхватив Съе Юйчжоу из воспоминаний.

Звук этой записи — слов, сказанных Линь Чжиюем перед его последней операцией в прошлом году, — юноша бережно хранил как самое ценное сокровище.

Он нажал кнопку ответа:

— Слушаю.

— Молодой господин, мы прибыли на место, но здесь никого нет!

— Что?! — Съе Юйчжоу резко встал.

— На заброшенном заводе на улице Минъюань в Западном пригороде никого нет. Мы подошли максимально осторожно, спугнуть никого не могли. Но там действительно пусто!

— Не уходите оттуда. Ждите моих указаний.

Сье Юйчжоу сбросил вызов. Его пальцы стремительно порхали по клавиатуре ноутбука, превращаясь в сплошную тень.

После перерождения он потратил десять минут, чтобы вырваться из цепких лап семьи Жуань, и еще десять — чтобы отправить людей на спасение брата, опираясь на сведения из прошлой жизни. Почему там пусто?! Неужели он снова опоздал?!

Ведь в той, прошлой жизни, брата после похищения три дня держали именно на этом заброшенном заводе в пригороде, избивая и истязая, и лишь затем переправили в подпольное казино в Юго-Восточной Азии на окончательную расправу!

Неужели в этой жизни ход событий изменился?..

Сье Юйчжоу ввел серию команд. Экран погас, а затем вспыхнул серым окном какого-то теневого ресурса.

Едва он вбил первые символы поиска, как монитор заполнился бесконечными строчками кода и заголовками новостей.

Вчитавшись в текст на экране, Сье Юйчжоу замер.

— Психологическая травма — вещь тонкая: может затянуться быстро, а может мучить годами. Но твой спутник — человек крепкий. Думаю, еще пары сеансов будет достаточно.

— Спасибо. Чуть позже обязательно угощу тебя обедом, — с облегчением вздохнул Цзян Вэйхуа. — Выкроить время в твоём расписании — та ещё задача. К великому психологу Цао нынче не пробиться!

— Да ну тебя, — отмахнулся Цао Чэнфэй. — Сколько лет знакомы, к чему эта официальщина?

Он помедлил и спросил:

— А как тот парень... Линь Чжияй? Ему помощь не требуется? Люди, пережившие взрыв, особенно те, кто находился в эпицентре, часто получают тяжелейшие посттравматические расстройства.

— Он держится стойко. Но если у тебя найдётся время поговорить с ним, я буду только рад.

— Раз ты просишь, разве я могу отказать? Тем более мы всё равно в этой больнице, — улыбнулся Цао Чэнфэй. — Ты о нем так отзываешься... А ведь в сети про него пишут такое...

— Я как раз собираюсь очистить его имя, — серьезно перебил Цзян Вэйхуа. — Доверься моему чутью: Линь Чжиюй — юноша, достойный самого глубокого уважения.

— Твоему чутью я верю, — ответил психолог. В этот момент у него в кармане зазвонил телефон. — Да, Синди?.. Что? Крупный клиент? Ладно, запиши его на воскресенье. Срочно?.. Хм...

Цао Чэнфэй ненадолго задумался:

— Пусть едет сюда. Я сейчас в стационаре Третьей народной больницы. Закончу с пациентом — и, если клиент не против, приму его прямо здесь.

— Опять работа? — уточнил Цзян Вэйхуа.

— Важный визит, — усмехнулся Цао Чэнфэй. — Ладно, идем к твоему Линь Чжиюю. Признаться, мне и самому любопытно на него взглянуть.

Линь Чжиюй только закончил набрасывать план своих дальнейших действий, когда в дверь постучали.

— Это я. Ты не спишь?

Услышав голос Цзян Вэйхуа, Линь Чжиюй немного удивился — ведь они расстались всего час назад.

— Заходите, господин Цзян.

Увидев за спиной гостя незнакомца, он вопросительно приподнял бровь.

— Это Цао Чэнфэй, известный психиатр и прекрасный психотерапевт, — представил спутника Цзян Вэйхуа. — После взрыва душевная травма неизбежна. Поговори с ним, станет легче. Ты не против?

Линь Чжиюй на мгновение задумался. Душевные раны у него действительно были — непрекращающийся кошмар, мучивший его изо дня в день.

Вот только к взрыву они не имели ни малейшего отношения.

Тот взрыв по сравнению с его личным адом казался лишь праздничным салютом — не то что не напугал, а скорее заморозил своей яркой вспышкой.

Впрочем, на лице Линь Чжиюя отразилась искренняя признательность:

— Спасибо. С удовольствием пообщаюсь.

Просто разговор — почему бы и нет?

Пока Линь Чжиюй и Цао Чэнфэй беседовали в палате, к зданию больницы стягивалась внушительная толпа.

Зачинщики явно отрабатывали полученные деньги, а собравшаяся вслед за ними орава представляла собой обычную разъяренную массу, пришедшую поглазеть на скандал.

— Этому мертвецу еще и лучший уход подавай?! Какая несправедливость! У Бога совсем глаз нет!

— Точно! Выгнать эту мразь из больницы!

— Моему сыну койки не досталось, он на улице приема ждет! Почему эти отбросы получают лечение?!

— Долой Линь Чжиюя! Вышвырните Линь Чжиюя!

— Больница лечит подонка, погубившего столько жизней! Где ваша совесть?!

Охрана больницы спешно пыталась перекрыть входы. Руководство, получив вести о беспорядках, торопилось на место, но журналисты, слетевшиеся на запах жареного, опередили всех.

У главных ворот образовалась глухая пробка.

Из подъехавшего такси вышел Сье Юйчжоу, только что мчавшийся сюда прямо из аэропорта.

Его взгляд, темный и холодный, скользнул по кричащей толпе. Юноша надвинул капюшон пониже и шагнул на территорию больницы.

Из-за волнений внутри действовал строгий пропускной режим. Лишь предъявив документы и подтверждение записи, Сье Юйчжоу смог пройти к корпусу стационара.

Но едва оказавшись на этаже, где лежал Линь Чжияй, он почувствовал, как ноги отказываются служить ему. Как ни старался он сохранить хладнокровие, пальцы дрожали, а глаза застилала горячая пелена.

«Брат... Ты здесь».

Многолетняя боль, глухая тоска, въевшееся в кости раскаяние — всё то, что не давало ему дышать долгие годы, вдруг ослабило хватку.

Дало крошечную отдушину.

Пробежавшие мимо медсестры притормаживали, заворазенно разглядывая высокого незнакомца.

— Боже, какой красавчик...

— Кто это? Он что, метис? Смотри, у него глаза темно-синие!

— Вау, просто идеальный! Раньше я думала, что красивее Линь Чжияя никого нет, пока тот не скатился...

— Ой, не вспоминай ты этого мерзавца, хоть внешность у него и впрямь как с картинки.

— Но этот парень выглядит таким убитым...

Доктор Хао, заметив, что дежурные медсестры отвлеклись от работы, вышла в коридор — и замерла.

В центре холла стоял юноша невероятной красоты.

Он напоминал ожившую скульптуру древнегреческого мастера: идеальное сочетание благородной мужской силы и юношеской пылкости. Широкие плечи и гордая осанка делали его похожим не на хрупкого юношу, а на молодого вожака волчьей стаи с заснеженных северных равнин.

Из-под темных волос сверкали глубокие синие глаза. Высок — не меньше ста девяноста сантиметров, с безупречными пропорциями.

Доктор Хао на миг лишилась дара речи.

Парень был чертовски хорош собой и совсем молод. Но почему...

Когда его взгляд упал на нее, у женщины перехватило дыхание. Казалось, он видит ее насквозь.

От него веяло чистой угрозой — аурой человека, прошедшего через кровь, нечеловеческую боль и всепоглощающую ненависть.

С трудом сохраняя строгость, доктор Хао спросила:

— Молодой человек... вы к кому? К пациенту или к врачу?

<http://bllate.org/book/20647/2115764>